

Мысль моя.

И ДАЖЕ ЕСЛИ ВЕСЬ МИР СГОРИТ,
Я НЕ ОТПУЩУ ТВОЮ РУКУ

Медобоглазка
КРОВАВОГО

МЕЛОДИ ЛЕЙН

Мелоди Лейн

Медовоглазка Кровавого

<https://litres.ru/74098624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь была простой и понятной, пока в нее не ворвался он. Мужчина со шрамом на брови и взглядом хищника, от которого стынет кровь. Он забрал меня в свой мир роскоши и страха, запер в особняке, похожем на сказочный замок и неприступную тюрьму одновременно. Я должна его ненавидеть. Он - воплощение всего, что я презираю: жестокости, власти, криминала. Но за стальной броней я вижу проблески чего-то иного. Боль, одиночество и яростное желание защитить то, что ему дорого. Он называет меня своей Медовоглазкой, и этот шепот обжигает сильнее любого пламени. Я борюсь с собой, с ним, с этим запретным чувством, расцветающим посреди кровавых интриг. Но как устоять, когда твой тюремщик - единственное спасение?

Содержание

Глава 1. Гнев Кровавого. Константин	4
Глава 2. Запах страха. Анастасия	12
Глава 3. Вкус ее слез. Константин	19
Глава 4. Тихий бунт. Анастасия	26
Глава 5. Правила игры. Константин	32
Глава 6. Его странная забота. Анастасия	37
Глава 7. Девочка с кистью. Константин	42
Глава 8. Между страхом и жалостью. Анастасия	47
Глава 9. Прикосновение хищника. Константин	53
Глава 10. Запретные мысли. Анастасия	58
Глава 11. Нить Ариадны. Константин	63
Глава 12. Иллюзия свободы. Анастасия	67
Глава 13. Ночной разговор. Константин	73
Глава 14. Разговор у розария. Анастасия	77
Глава 15. Точка невозврата. Константин	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Мелоди Лейн

Медовоглазка Кровавого

Глава 1. Гнев Кровавого. Константин

Я в ярости перевернул стол в своем кабинете, узнав о пропаже партии дорогостоящей электроники.

Массивное, из цельного мореного дуба, поддалось не сразу, протестуяще скрипнув. Но моя ярость была сильнее. С оглушительным грохотом столешница врезалась в пол. Ноутбук с последней версией защиты, который, по уверениям создателей, мог выдержать падение с третьего этажа, разлетелся на куски. Увесистый хрустальный декантер с янтарным виски соскользнул следом и разбился, рассыпавшись на тысячу сверкающих осколков. Дорогой алкоголь впитался в ворс персидского ковра, оставив темное, пахнущее спиртом и моим бешенством пятно.

Я стоял посреди этого хаоса, тяжело дыша. Руки сжаты в кулаки так, что побелели костяшки. Дело было не в деньгах. Потерянная сумма - капля в море для моей империи. Дело в

принципе. В дерзости. Кто-то, кого я считал своим, оказался крысой. Кто-то посмел запустить руку в мой карман, решив, что я не замечу. Что я прощу.

Мой кабинет, моя цитадель, обычно был образцом порядка и холодной роскоши. Панорамные окна во всю стену открывали вид на вековой сосновый лес, окружавший особняк. Сейчас закатное солнце пробивалось сквозь стволы деревьев, заливая комнату кроваво-красным светом, который плясал на осколках хрусталя. Идеальная декорация для моего настроения.

В кармане завибрировал телефон. Я достал его, даже не взглянув на экран. Звонить мне напрямую в такое время мог только один человек.

- Говори, - бросил я в трубку, нажимая на зеленую кнопку ответа.

- Кость, есть новости, - раздался в динамике хриплый голос Серого, моего самого доверенного человека. - Нехорошие.

- Я уже понял, что они нехорошие, когда недосчитался груза на семь нулей. Кто?

- Пока неясно. Но мы проверили камеры на последнем отрезке перед складом. Нашу фуру вели. Черный внедорожник без номеров. Перехватили чисто. Водилу нашего нашли в кювете. Два в голову.

Я молчал, прокручивая в голове варианты. Конкуренты? Кто-то из старых врагов решил напомнить о себе? Или, что вероятнее, крыса внутри моей организации слила маршрут и время.

- Что еще? - спросил я, чувствуя, как ярость сменяется ледяным, расчетливым спокойствием. Это состояние было куда опаснее.

- Есть одна зацепка. Вернее, проблема, - Серый замялся на секунду. - На том участке дороги, где они провернули дело, есть небольшое кафе. Там камеры наружу не бьют, старье. Но в момент перехвата на остановке рядом стояла девчонка. Студентка, похоже. Ждала автобус.

Кровь в моих жилах похолодела. Свидетель. Непростительная ошибка. Мои люди должны были зачистить периметр.

- Она что-то видела?

- Скорее всего. Она была там. Когда наши парни приехали на место, ее уже не было. Автобус подошел, и она уехала.

- Имя. Адрес. Мне нужно все, что у вас есть.

- Уже работаем. Янтарцева Анастасия Александровна. Двадцать лет. Учится на художника-реставратора. Живет с матерью в спальном районе. Обычная девочка.

Обычная девочка. Которая оказалась не в том месте и не в то время. Которая теперь стала единственной ниточкой, способной привести меня к предателю. И одновременно - самой большой угрозой.

- Я хочу ее видеть, - отчеканил я. - Лично. Привезите ее. Тихо и без пыли.

- Кость, может, проще?.. - начал было Серый, но осекся. Он прекрасно знал, что я не терплю, когда мои решения ставят под сомнение. Проще было бы убрать ее. Пуля решает много проблем. Но этот след был слишком важен. И что-то внутри меня, какая-то интуиция хищника, подсказывала, что эту пешку нужно разыграть иначе.

- Выполняй, - приказал я и сбросил вызов.

Через час Серый скинул мне в Telegram фотографию и адрес. Я открыл изображение. С экрана на меня смотрела девушка. Длинные, чуть выющиеся волосы цвета жидкого меда. Огромные, серьезные глаза, которые даже на нечетком фото казались янтарными. Правильные черты лица, светлая, почти фарфоровая кожа. Она была красива. Хрупкой, нежной красотой, которая казалась неуместной в моем мире грязи, крови и бетона. Она была одета в простое светлое платье, на шее виднелась тонкая цепочка. Невинность. Это слово первым пришло на ум. Невинность, которую вот-вот втопчут в грязь.

Я сам сел за руль своего черного "Майбаха". Машина бесшумно скользила по ночному городу, унося меня из мира роскоши и власти в обычный спальный район с серыми панельными домами. Я припарковался в тени деревьев, напротив ее подъезда. Ждать пришлось недолго.

Она появилась минут через двадцать. Точно как на фото. Шла, опустив голову, сжимая в руках папку для эскизов. Легкое кремовое платье развевалось на ветру, открывая тонкие щиколотки. Она казалась мотыльком, случайно залетевшим в логово паука.

Мои люди, Серый и еще один боец, вышли из машины, стоявшей чуть поодаль. Они двигались быстро и слаженно.

Один перегородил ей путь, второй подошел сзади. Я видел, как расширились ее глаза от ужаса, как она открыла рот, чтобы закричать, но ладонь Серого мгновенно его накрыла. Секунда - и ее хрупкое тело уже было в салоне их машины. Папка с эскизами упала на асфальт, листы разлетелись по тротуару, подхваченные ветром.

Я смотрел на это, не двигаясь. Холодный расчет. Ничего личного. Она - инструмент. Ключ.

Я поехал следом. Мы выехали из города и направились к моему особняку. Когда ее пересаживали в мою машину, она уже не сопротивлялась. Просто дрожала всем телом, как пойманная птица. Серый усадил ее на заднее сиденье, рядом со мной, а сам сел вперед.

В салоне, пропитанном запахом дорогой кожи и моего парфюма, ее страх ощущался почти физически. Она забилась в самый угол, стараясь держаться как можно дальше, и смотрела на меня огромными, полными слез янтарными глазами. В них плескался первобытный ужас. Она видела во мне монстра. И не ошибалась.

Я молча изучал ее. Тонкие запястья. Дрожащие губы. Медовые пряди волос, выбившиеся из прически, прилипли к влажной от слез щеке. Она была еще ребенком. Девчонка. И

эта ее чистота, эта незащищенность на фоне моей силы и жестокости создавали какой-то оглушающий контраст. Ненависть к предателям и ледяная ярость все еще кипели во мне, но глядя на нее, я почувствовал что-то еще. Темное, собственническое. Желание не просто использовать ее, а сломать, подчинить, завладеть этим страхом, этой невинностью.

- Кто вы? Что вам нужно? - ее голос прозвучал тихо, срываясь от рыданий.

Я медленно повернул к ней голову. Наши взгляды встретились.

- Пока тебе нужно знать только одно, - мой голос был спокойным и ровным, отчего звучал еще более угрожающе. - Твоя прежняя жизнь закончилась пять минут назад. А новая будет зависеть только от того, насколько полезной ты для меня окажешься.

Она вздрогнула и отшатнулась, словно от удара. Я видел, как по ее щеке скатилась еще одна слеза, оставляя мокрую дорожку на бледной коже.

Машина въехала в ворота и остановилась перед парадным входом в мой дом. Я вышел и, обойдя автомобиль, открыл ее дверь.

- Выходи.

Она не двинулась с места, лишь сильнее вжалась в сиденье.

Терпение никогда не было моей сильной стороной. Я без лишних слов просунул руку в салон, схватил ее за предплечье и вытащил наружу. Она была почти невесомой. Ее кожа под моими пальцами была холодной как лед.

Я повел ее в дом, крепко держа за руку. Двери за нашими спинами закрылись, отрезая ее от всего мира, который она знала. Мы стояли в огромном холле с мраморным полом и высокими потолками. Свет от хрустальной люстры отражался в ее испуганных глазах.

Она была в моей власти. В моей клетке. И я еще не решил, что с ней делать. Но одно я знал точно.

Я ее не отпущу.

- Добро пожаловать домой, Настенька, - сказал я с холодной усмешкой, впервые пробуя на вкус ее имя.

Глава 2. Запах страха. Анастасия

"Добро пожаловать домой, Настенька".

Эти слова, произнесенные ледяным, насмешливым тоном, эхом отдавались от мраморных стен и потолка, вонзаясь в мозг ледяными иглами. Дом. Он назвал это место домом. Этот холодный, бездушный дворец, пахнувший дорогим парфюмом, кожей и скрытой угрозой. Мой дом - это крошечная двухкомнатная квартира на окраине города, где пахнет маминами пирогами и красками. А это - склеп. Роскошный, сияющий, но все же склеп.

Мужчина, назвавший себя Константином, все еще держал меня за руку. Его пальцы были как стальной обруч, и я была уверена, что завтра на моей коже останутся синяки. Я попыталась вырваться, но его хватка лишь усилилась. Он даже не посмотрел на меня, его внимание было приковано к чему-то в глубине холла.

- Отпустите меня, - прошептала я. Голос дрожал, превращая слова в жалкий писк. - Я ничего не видела. Я ничего никому не скажу, клянусь!

Он медленно повернул голову, и его темные, почти чер-

ные глаза впились в меня. Под этим взглядом хотелось съежиться, стать невидимой. Шрам на брови делал его лицо еще более хищным и жестоким.

- Ты будешь говорить, когда я разрешу, - отрезал он. - А сейчас пойдешь со мной.

Он потащил меня вверх по широкой винтовой лестнице. Мои ноги в легких балетках путались, я едва не упала, но его сильная рука не дала мне этого сделать, лишь дернув вверх с раздражающей легкостью. Мы прошли по длинному коридору, устланному мягким ковром, который поглощал звук наших шагов. Стены были увешаны картинами в дорогих рамах - темные, тревожные пейзажи, которые лишь усиливали гнетущую атмосферу.

Наконец он остановился перед одной из дверей из темного дерева и, толкнув ее, ввел меня внутрь.

Комната была огромной. Больше, чем вся наша квартира. Кровать королевских размеров с белоснежным постельным бельем, изящный туалетный столик, мягкие кресла у панорамного окна. Окно... Я бросилась к нему. За ним простирался густой сосновый лес, темный и непроницаемый, а прямо под окном я увидела вершину высокого, глухого забора с чем-то сверкающим наверху. Проволока.

Я в ловушке.

Осознание этого накрыло меня ледяной волной паники. Я обернулась. Он стоял у двери, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной, как ученый за подопытным насекомым. Властный. Непроницаемый. Пугающий до дрожи в коленях.

- Зачем я вам? Пожалуйста, отпустите. Моя мама... она будет волноваться.

При упоминании мамы в его глазах что-то мелькнуло. Что-то холодное и расчетливое.

- Твоя мама будет в полном порядке, - произнес он ровным голосом. - Если ты будешь умницей.

Это была неприкрытая угроза. Шантаж. Он держал в заложниках не только меня, но и самого дорогого мне человека. Слезы снова хлынули из глаз, застилая все пеленой.

- Что... что вы хотите от меня?

Он сделал шаг ко мне. Я инстинктивно отступила назад, пока не уперлась спиной в холодное стекло окна. Он подошел почти вплотную, и я ощутила исходящий от него жар

и тонкий аромат дорогого табака и парфюма. Он был таким высоким, что мне пришлось задрать голову.

- Я хочу знать, что ты видела сегодня вечером на трассе.

- Ничего, - я замотала головой, волосы рассыпались по плечам. - Я ждала автобус, слушала музыку в наушниках. Я ничего не видела и не слышала!

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было и намека на веселье.

- Не лги мне, Ася, - его голос стал тише, интимнее, отчего по спине пробежал рой мурашек. - Я ненавижу ложь. Ты видела черный внедорожник. Ты видела людей, которые из него вышли. Ты видела, как они остановили фуру. Опиши их.

Я молчала, судорожно сжимая кулаки. Перед глазами стояла та картина: визг тормозов, люди в масках, что-то похожее на оружие в их руках... Я видела все. И этот человек знал, что я видела.

- Я... я не помню. Я испугалась и убежала...

Он поднял руку, и я зажмурилась, ожидая удара. Но вме-

сто этого его пальцы осторожно коснулись моего подбородка, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза. Его прикосновение обжигало.

- Ты очень плохо лжешь, Медовоглазка, - прошептал он, глядя мне прямо в душу. - Мы вернемся к этому разговору позже. А сейчас...

Он отпустил меня и протянул руку.

- Телефон.

- Что?

- Твой телефон. Давай сюда.

Я прижала к себе сумочку, в которой лежал мой старенький смартфон - единственная связь с внешним миром, с мамой, с моей жизнью.

- Нет!

- Не заставляй меня забирать его силой, - в его голосе прорезалась сталь.

Дрожащими руками я достала телефон и протянула ему.

Он взял его, повертел в своих больших ладонях, а затем, не моргнув глазом, сжал. Раздался треск. Экран пошел паутиной трещин. Он бросил то, что осталось от моего телефона, на столик.

- Здесь тебе он не понадобится. В этой комнате есть все, что нужно. Ванная там, - он кивнул на соседнюю дверь. - Отдыхай. Завтра будет долгий день.

Он развернулся и пошел к выходу.

- Подождите! - крикнула я ему в спину. - Вы не можете просто так запереть меня здесь! Это незаконно!

Он остановился в дверях и обернулся. На его лице играла хищная, злая улыбка.

- Девочка моя, для меня не существует такого понятия, как "незаконно". Есть то, что я хочу, и то, чего я не хочу. Привыкай.

Дверь за ним захлопнулась с тихим, но окончательным щелчком. Я бросилась к ней, дернула ручку. Заперто. Конечно, заперто.

Я сползла по двери на пол, обхватив колени руками, и дала

волю рыданиям. Они сотрясали все тело, вырываясь из груди глухими, задавленными всхлипами. Я плакала от страха, от бессилия, от ненависти к этому жестокому человеку, который за один вечер разрушил мой маленький, понятный мир.

Сколько я так просидела, не знаю. Когда слезы иссякли, осталась только звенящая пустота и холод. Я поднялась на ватных ногах и подошла к кровати. Провела рукой по невероятно гладкому, прохладному покрывалу. Все здесь было чужим, враждебным. Я зашла в ванную. Мрамор, позолота, бесчисленные флаконы с незнакомыми названиями. Все кричало о деньгах и власти. О той власти, что сломала мою жизнь.

Вернувшись в комнату, я снова подошла к окну. Внизу, в темноте, я разглядела движущуюся фигуру. Охранник. Он медленно патрулировал территорию вдоль забора. Я была в тюрьме.

В красивой, роскошной, но самой настоящей тюрьме. И мой тюремщик - монстр со шрамом на брови и взглядом, от которого стынет кровь. И я ненавидела его всем сердцем. Но больше всего на свете я его боялась.

Глава 3. Вкус ее слез. Константин

Щелчок замка в двери ее комнаты прозвучал оглушительно громко в тишине коридора. Я на мгновение прислонился лбом к холодному дереву, прислушиваясь. За дверью не было слышно ни звука. Ни всхлипов, ни шагов. Просто тишина. Но я знал, что она там, за этой дверью, съежилась в комок от страха и ненависти. Я почти физически ощущал ее ужас. И, как ни странно, это не приносило удовлетворения. Только глухое раздражение на самого себя.

Эмоции - непозволительная роскошь в моем мире. Они делают тебя уязвимым. А я не был уязвим с тех пор, как в четырнадцать лет впервые увидел, как умирает человек.

Я вернулся в свой кабинет. Хаос, который я устроил час назад, никуда не делся. Осколки хрусталия все так же поблескивали на ковре в лунном свете. Я не стал вызывать прислугу. Этот беспорядок был материальным воплощением моего состояния.

Сняв пиджак и бросив его на уцелевшее кресло, я достал из потайного бара новый декантер и налил себе виски. Лед не добавлял. Мне нужно было, чтобы алкоголь обжег горло, прочищая мысли.

Первый звонок - Серому.

- Докладывай, - сказал я, едва он ответил.

- Пробили водилу фуры. Чист. Семья, ипотека, работал на нас пять лет без единого косяка. Его просто убрали как ненужного свидетеля.

- Что с теми, кто должен был обеспечить чистоту маршрута?

- Работаем, Кость. Двое из группы сопровождения не выходят на связь. Телефоны отключены, квартиры пустые. Похоже, это они.

Я сжал стакан так, что пальцы заболели. Предательство. Самое мерзкое, что есть в нашем бизнесе. Хуже пули от врага. Пуля от своего - вот что по-настоящему ранит.

- Найти. Живыми. Я хочу посмотреть им в глаза.

- Понял. Что с девчонкой?

Я посмотрел в сторону коридора, ведущего к ее комнате.

- Она у меня. Пока молчит. Говорит, что ничего не видела.

- Врет, - без сомнений констатировал Серый.

- Знаю. Она плохая лгунья. Я разберусь. Обеспечь полную изоляцию дома. Никто не входит, никто не выходит без моего личного приказа. Усиль охрану по периметру. Крыса еще в нашей системе, и она может попытаться убрать единственного свидетеля.

- Будет сделано.

Я сбросил вызов и открыл на уцелевшем мониторе систему видеонаблюдения. Десятки маленьких окон показывали каждый уголок моего дома и территории. Я нашел нужное. Камера в ее комнате. Я установил их везде. Не из вайеризма, а из необходимости контроля.

На экране она сидела на полу у двери, обхватив колени. Маленькая, хрупкая фигурка посреди огромной роскошной комнаты. Ее плечи подрагивали. Она плакала. Я увеличил изображение. Видел ее спутанные медовые волосы, бледное лицо, мокрое от слез. Что-то внутри неприятно дернулось. Чувство, похожее на укол совести. Я тут же задавил его. Совесть - еще одна непозволительная роскошь.

Она - ключ. Единственный, кто видел лица нападавших. Без нее я буду искать предателей месяцами, теряя время и деньги, а главное - авторитет. Слухи в нашем мире распространяются быстрее огня. Кровавый дал слабинку. Кровавого обчистили свои же. Такое не прощают.

Мой телефон снова завибрировал. Незнакомый номер, защищенный канал. Я нажал зеленую кнопку.

- Да.

- Константин Романович, - раздался вкрадчивый голос, который я узнал бы из тысячи. Шилов. Конкурент, который давно метил на мои каналы поставок. - Слышал, у вас неприязности. Сочувствую.

- Береги свои сочувствия для своей вдовы, Шилов, - отрезал я. - Что тебе нужно?

- Просто дружеский совет. Иногда выгоднее списать потери, чем искать виновных. Можно найти куда больше проблем. Например, любопытных свидетелей. Они имеют свойство говорить не с теми людьми.

Угроза была завуалированной, но предельно ясной. Он знал. Знал не только о пропаже груза, но и о ней. Значит,

крыса сидит глубоко. И сливает информацию не только мне в карман, но и моим врагам.

- Я ценю твою заботу, - процедил я. - Но я всегда сам решаю, что мне выгоднее. И еще один совет, уже от меня. Не суй свой нос в мои дела. Он у тебя и так длинный, легко сломать.

Я закончил разговор, не дожидаясь ответа. Ситуация была хуже, чем я думал. Теперь она не просто ключ. Она - мишень. И пока она у меня, она в относительной безопасности. Выпустить ее - значит подписать ей смертный приговор. И потерять свой единственный шанс найти крысу.

Я снова посмотрел на монитор. Анастасия уже поднялась с пола. Она ходила по комнате, как зверек в клетке. Подошла к окну, потом к кровати, коснулась покрывала и тут же отдернула руку, словно обжегшись. В каждом ее движении сквозил страх и отторжение.

Я вызвал по внутренней связи начальника охраны.

- Чтобы к ее двери ни одна живая душа не подходила. Еду и все необходимое оставлять на столике в коридоре. Понял?

- Так точно, Константин Романович.

Я откинулся в кресле, наблюдая за ней на экране. Она была красива. Даже заплаканная, испуганная. Эта ее нетронутая, почти детская невинность была как глоток чистого воздуха в моем пропитанном кровью и предательством мире. И это бесило. Бесило, что я вообще об этом думаю.

Нужно было действовать. Я составил в голове план. Завтра я начну давить на нее. Мягко, но неотвратимо. Сломать ее волю, заставить говорить. Шантаж матерью - самый действенный рычаг.

Внезапно она замерла посреди комнаты и посмотрела прямо в угол, где была скрыта камера. Словно почувствовала мой взгляд. Ее янтарные глаза на мгновение встретились с моими через объектив. В них больше не было слез. Только холодная, яростная ненависть.

И в этот момент я понял. Эта девочка не так проста. В ней есть стержень. Сломать ее будет нелегко.

И, черт возьми, мне вдруг стало интересно принять этот вызов.

- Посмотрим, кто кого, Тася, - прошептал я в тишину своего разгромленного кабинета, глядя на ее непокорное отра-

жение на мониторе. - Посмотрим.

Глава 4. Тихий бунт. Анастасия

Я не спала всю ночь. Я просто лежала на огромной кровати, в чужом, пахнущем дорогим кондиционером белье, и смотрела в потолок. Тело одеревенело от напряжения, а в голове безостановочно крутились одни и те же вопросы: "За что?", "Что будет дальше?", "Что с мамой?". Последний был самым мучительным. Она, наверное, сходит с ума, обзванивает больницы и морги. От этой мысли внутри все сжималось в ледяной комок.

Когда сквозь плотные портьеры начали пробиваться первые лучи солнца, я встала. Ноги еле держали. Я подошла к зеркалу над туалетным столиком и ужаснулась. На меня смотрело бледное, измученное создание с красными от слез глазами и спутанными волосами. Я выглядела как жертва. И я была ею.

Но глядя на свое отражение, я почувствовала, как внутри зарождается что-то новое. Не страх, а холодная, звенящая ярость. Он может запереть мое тело, но он не получит мою душу. Я не сломаюсь. Я не стану покорной овечкой.

В углу комнаты, почти у самого потолка, я заметила крошечную темную точку. Камера. Меня прошиб озноб. Он на-

блюдает. Даже сейчас. Это было омерзительно. Я демонстративно отвернулась, подошла к окну и резко раздвинула шторы. Солнечный свет хлынул в комнату, ослепляя. Лес за окном был красив дикой, первозданной красотой, но высокий забор с колючей проволокой по верху разрушал всю гармонию. Тюрьма.

В шкафу я нашла одежду. Не мою. Десятки вешалок с вещами из дорогих тканей - шелковые пижамы, кашемировые свитера, идеально скроенные брюки. Все было моего размера. Эта предусмотрительность пугала больше, чем открытая угроза. Он готовился к моему появлению. Я выбрала самый простой комплект - черные спортивные брюки и серую футболку - и ушла в ванную, плотно закрыв за собой дверь. Горячая вода немного привела в чувство, но ощущение грязи, не физической, а моральной, никуда не делось. Я была пленницей в чужом, враждебном мире.

Вернувшись в комнату, я услышала тихий щелчок у двери. Я замерла. Через несколько секунд шаги удалились. Осторожно подойдя к двери, я увидела в коридоре на маленьком столике поднос с едой. Завтрак. Аромат свежесваренного кофе и выпечки ударил в нос, и желудок свело от голода. Но я не притронулась к еде. Это была его еда. Принять ее - значило принять его правила. Я села в кресло у окна, спиной к двери, и упрямо уставилась на сосны. Это был

мой тихий бунт.

Прошел час, может, два. Я слышала, как за дверью снова послышались шаги. На этот раз они не удалились, а замерли. Сердце ухнуло в пятки. Щелкнул замок, и в комнату вошел он. Константин.

Сегодня на нем был не строгий костюм, а темные джинсы и черная кашемировая водолазка, облегающая мощный торс. Он выглядел моложе, но не менее опасно. Как хищник, сменивший деловой камуфляж на охотничий.

Его взгляд первым делом упал на нетронутый поднос, потом переместился на меня.

- Ты не голодна? - его голос был обманчиво спокоен.

Я молчала, глядя в окно.

Он подошел и остановился рядом с моим креслом. Я чувствовала его присутствие каждой клеткой кожи.

- Я задал вопрос, Стася.

Это сокращение моего имени из его уст прозвучало как пощечина.

- Я не буду есть вашу еду, - ответила я тихо, но твердо, не поворачивая головы.

- Мою? - он усмехнулся. - Не волнуйся, я ее не отравлял. Пока ты мне нужна живой.

Я вздрогнула от цинизма в его голосе.

- Отпустите меня. Я ничего не скажу.

- Мы это уже проходили. Ты будешь здесь столько, сколько я посчитаю нужным. И ты будешь делать то, что я говорю. Включая прием пищи.

- Нет.

Он обошел кресло и встал передо мной, загораживая свет из окна. Его тень накрыла меня полностью. Он присел на корточки, так что наши лица оказались на одном уровне. Я наконец посмотрела ему в глаза. В их темной глубине не было ничего, кроме холода и власти.

- Ты играешь в опасную игру, девочка. Думаешь, твоя гордость что-то изменит? Она лишь разозлит меня. А ты ведь не хочешь меня злить, верно?

Я сжала подлокотники кресла.

- Мне все равно.

- Правда? - он медленно поднялся и достал из кармана телефон. Мое сердце замерло. Он набрал номер, и через секунду я услышала в динамике до боли знакомый голос моей мамы: "Алло?".

- Мама! - выкрикнула я, вскакивая с кресла.

Константин приложил палец к своим губам, призывая меня к молчанию, и сбросил вызов.

- Она волнуется, - сказал он просто, убирая телефон. - Не спит, не ест. Звонит тебе каждую минуту. А теперь представь, что с ней будет, если она узнает, что ее единственная дочь попала в беду? Или если с ней самой что-то случится? Несчастный случай. Утечка газа в квартире. Тормоза у машины отказали. В нашем городе такое случается сплошь и рядом.

Слезы ужаса покатались по моим щекам. Это был чудовищный, бесчеловечный шантаж. Он бил в самое больное место.

- Не смейте... не смейте ее трогать, - прошептала я, задыхаясь от бессилия.

- Я не буду, - его голос смягчился, стал почти вкрадчивым. - Если ты будешь хорошей девочкой, Асюта. Если будешь есть, спать и отвечать на мои вопросы, когда я их задам. Твоя жизнь и благополучие твоей матери теперь полностью в твоих руках. Выбор за тобой.

Он смотрел на меня, ожидая ответа. И я знала, что проиграла эту битву, даже не начав ее. Мой бунт, моя гордость - все это рассыпалось в прах перед угрозой жизни мамы.

Я медленно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

- Вот и умница, - он удовлетворенно кивнул. - Завтрак остыл. Я прикажу принести новый.

Он вышел, оставив дверь незапертой. Но я знала, что это лишь иллюзия. Я подошла к подносу, который все еще стоял в коридоре. Дрожащими руками я взяла чашку с уже остывшим кофе и сделала глоток. Он был горьким. Как и мое поражение.

Глава 5. Правила игры. Константин

Я закрыл за собой дверь ее комнаты, оставив ее наедине с ее первым поражением. Я не чувствовал триумфа. Только холодное, трезвое удовлетворение от того, что первый этап пройден. Она поняла главное правило: сопротивление бесполезно и опасно для тех, кто ей дорог.

В кабинете меня ждал Серый. Он стоял у панорамного окна, глядя на лес. Мой разгромленный стол был уже убран, ковер вычищен. Идеальный порядок вернулся, но напряжение в воздухе можно было резать ножом.

- Что у нас? - спросил я, наливая себе эспрессо из кофемашины.

- Нашли одного из беглецов из сопровождения. Леху Шустрого, - доложил Серый, не оборачиваясь. - Вернее, то, что от него осталось. В лесополосе за городом. Две пули в затылок. Контрольный. Его убрали свои же, чтобы молчал.

Я сделал глоток обжигающего кофе. Значит, второй, его парник, еще жив. И он - ключ к тому, кто дергает за ниточки.

- А второй?

- Ищем. Как в воду канул. Но мы перетряхнули все его контакты. Есть одна интересная деталь. За последнюю неделю он несколько раз созванивался с человеком Шилова.

Шилов. Конечно. Кто же еще. Этот шакал давно кружит вокруг моей территории.

- Это еще не доказательство. Могли просто бухать вместе.

- Могли, - согласился Серый. - Но вчера, за час до нападения, на счет его жены упала крупная сумма. С левого офшора. Того же, которым любит пользоваться Шилов.

Вот и все. Пазл сложился. Шилов купил моих людей, чтобы перехватить груз и одновременно подставить меня, показав, что я не контролирую собственную организацию. А звонок мне был верхом цинизма - прощупать почву, насладиться моментом.

- Я хочу второго. Живым, - повторил я свой вчерашний приказ. - И подготовь ребят. Мы нанесем Шилову визит. Очень скоро.

- Понял, - Серый наконец обернулся. - Как девчонка?

Я поставил чашку. На секунду перед глазами всплыло ее бледное лицо и полные ненависти янтарные глаза.

- Приходит в себя. Упрямая. Но понятливая, когда нужно.

Я сел за стол и включил монитор с системой наблюдения. Нашел ее комнату. Она сидела на полу у подноса с едой, который принесли по моему приказу, и медленно ела. Каждый кусок давался ей с видимым усилием. Она не сдавалась, она заключала сделку с дьяволом ради спасения матери. Это упрямство вызывало во мне странную смесь раздражения и уважения.

- Кость, что ты собираешься с ней делать дальше? - голос Серого был осторожным. Он единственный мог позволить себе задавать такие вопросы. - Шилов знает, что она у тебя. Он может попытаться ее достать.

- Он не посмеет сунуться на мою территорию. Здесь она в большей безопасности, чем где-либо еще. Пока она здесь, она мой рычаг давления. И моя страховка. Когда мы найдем второго предателя, она опознает его и тех, кто был с ним.

Это была логичная, прагматичная причина. Но я знал, что дело не только в этом. Мысль о том, чтобы отпустить ее, была

неприятной. Она стала частью этого уравнения, переменной, которую я не хотел убирать.

- Ясно, - Серый кивнул, хотя я видел, что он не до конца убежден. - Ей что-нибудь нужно?

- Да, - сказал я, удивляя самого себя. - Съезди в город. Купи ей все необходимое. Одежду, помимо той, что уже есть. И... - я запнулся, - купи ей что-нибудь для рисования. Холсты, краски, карандаши. Она художник. Пусть будет чем-то занята.

Серый удивленно вскинул брови. Забота о пленниках не входила в мои привычки.

- Занятая заложница - спокойная заложница, - холодно пояснил я, скорее для себя, чем для него. - Меньше глупых мыслей о побеге. Выполняй.

Когда он ушел, я остался один на один с изображением на мониторе. Она доела, встала и подошла к окну. Стояла неподвижно, глядя на лес. Хрупкая фигурка в серой футболке, заключенная в золотую клетку. Мою клетку.

Я защищал ее. От Шилова, от последствий того, что она видела. Но делал это не из доброты. Я защищал свой ценный

актив. Свою собственность.

Но глядя на ее одинокую фигуру, на то, как солнечный свет играет в ее медовых волосах, я впервые за долгие годы почувствовал, что мой холодный, выверенный расчет дает трещину. Эта девочка, Анастасия, была не просто активом. Она была живой, дышащей проблемой, которая вызывала во мне чувства, которым не было места в моей жизни.

И я понял, что игра, которую я затеял, становится намного сложнее и опаснее, чем я предполагал вначале.

Глава 6. Его странная забота. Анастасия

Дни слились в однообразную, тягучую рутину. Утро начиналось со щелчка замка и появления подноса с едой. Я ела. Механически, безвкусно, заставляя себя глотать каждый кусок, потому что знала - это цена маминого спокойствия. Потом я часами сидела у окна, глядя на равнодушные сосны и патрулирующих периметр охранников. Я изучала их смены, их маршруты, хотя умом понимала - побег невозможен. Это было просто занятие, способ не сойти с ума от бездействия и страха.

Константина я больше не видела. Но я чувствовала его незримое присутствие. В том, как идеально подобрана для меня одежда. В том, как в ванной появляются именно те средства, которыми я привыкла пользоваться. И, конечно, в ледяном глазке камеры, который, я знала, постоянно смотрит на меня. Он наблюдал, изучал, контролировал каждый мой шаг.

На третий день моего заточения произошло нечто странное. Днем в коридоре послышались шаги, но не его властные и тяжелые, а чьи-то другие. Дверь моей комнаты откры-

лась, и на пороге появился тот самый мужчина, что заталкивал меня в машину. Серый, кажется, так назвал его Константин. Он не смотрел на меня, его лицо было каменно-непроницаемым. Без единого слова он занес в комнату большой мольберт, несколько туго натянутых холстов и огромную деревянную коробку. Поставив все это у окна, он так же молча удалился, закрыв за собой дверь.

Я несколько минут смотрела на эти предметы, не решаясь подойти. Это ловушка? Очередная изощренная игра моего похитителя? Зачем ему это? Чтобы я нарисовала портреты тех, кого видела?

Но любопытство и тоска по своему ремеслу пересилили. Я медленно подошла к коробке и подняла крышку. Запах... Этот густой, терпкий, волшебный запах масляных красок и льняного масла ударил в нос, и у меня перехватило дыхание. Я провела пальцами по рядам тюбиков с красками всех мыслимых и немыслимых оттенков, коснулась щетины новых кистей, палитры из гладкого дерева. Внутри, под всем этим богатством, лежали альбомы с плотной бумагой и наборы угольных карандашей.

Он дал мне мой мир. Частичку моей души, которую, как я думала, он отнял навсегда.

Слезы снова подступили к горлу, но на этот раз это были не слезы страха или отчаяния. Это было что-то другое, сложное, смесь горькой благодарности и жгучей ненависти. Он сломал меня угрозой в адрес мамы, а теперь протягивал пряник. Жестокий, расчетливый манипулятор.

Но я не могла устоять. Это было сильнее меня. Это было как дать глоток воды умирающему от жажды.

Я установила мольберт у окна. Закрепила на нем холст. Выдавила на палитру краски - ультрамарин, изумрудную зелень, сиену жженую, белила. Взяв в руки кисть, я почувствовала, как по телу прошла знакомая, почти забытая за эти дни дрожь вдохновения. Пальцы сами вспомнили, как держать инструмент.

И я начала рисовать. Я рисовала то, что видела каждый день, - вид из окна своей тюрьмы. Могучие, устремленные в небо стволы сосен, залитые солнечным светом. Пронзительно-синее небо между их темно-зелеными лапами. Я вкладывала в каждый мазок всю свою тоску по свободе, всю свою любовь к жизни, к природе. А потом, взяв почти черную краску, я резкими, злыми мазками нанесла поверх этого умиротворенного пейзажа высокий, глухой забор. И поверх него - тонкие, хищные росчерки колючей проволоки, которая уродливым шрамом перечеркивала красоту мира.

Моя картина была моим криком. Моим безмолвным протестом. Я рисовала, забыв о времени, о еде, о камере в углу. Я была там, на холсте, в этом лесу, одновременно свободная и запертая.

Я не услышала, как открылась дверь. О его присутствии я узнала, когда за спиной упала тень, а воздух наполнился знакомым ароматом его парфюма. Я замерла, кисть застыла в миллиметре от холста. Сердце бешено заколотилось.

Он подошел ближе, обошел мольберт и встал напротив меня, по другую сторону моего творения. Я видела его сквозь еще не до конца прописанные ветви сосен. Он долго молчал, его темные глаза внимательно изучали холст, каждый мазок, каждый оттенок. Его лицо было, как всегда, непроницаемым. Я не могла понять, о чем он думает. Гневается? Доволен?

- Сосны, - наконец произнес он тихо. Это был не вопрос, а констатация.

Я не ответила, лишь крепче сжала кисть.

Он перевел взгляд с картины на меня. И в этот момент я почувствовала себя абсолютно голой. Он смотрел не на мое

лицо, не на одежду. Он смотрел мне прямо в душу, которую я только что выплеснула на этот кусок белой ткани. Он все понял. И красоту, и боль, и ненависть.

Его взгляд задержался на моих пальцах, испачканных краской, потом снова поднялся к глазам. В его темных зрачках я на долю секунды увидела что-то новое. Не угрозу. Не власть. Что-то похожее на... интерес. Глубокий, почти хищный интерес.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

А я осталась стоять перед своим творением, тяжело дыша. Воздух в комнате все еще пах его парфюмом, а перед глазами стоял его взгляд. И я поняла, что с этой минуты между нами что-то изменилось. Наша немая война перешла на новый уровень. И я, сама того не желая, только что показала своему врагу свое самое мощное оружие и свою самую большую уязвимость.

Глава 7. Девочка с кистью. Константин

Весь день я провел на иголках. Информация, полученная от Серого, запустила цепную реакцию. Мы поднимали все связи, прослушивали десятки телефонов, просеивали тонны бесполезной информации в поисках одной крупинцы - местонахождения второго предателя, Витька Хромого. Он был последним звеном, ведущим к Шилову. И он был трусом, я это знал. А трусы, загнанные в угол, либо делают глупости, либо начинают говорить.

Мой телефон разрывался от звонков и сообщений в зашифрованных чатах Telegram. Отчеты, доклады, вопросы. Я отдавал приказы холодно и четко, как хирург со скальпелем. Перекрыть выезды из города. Проверить все вокзалы и аэропорты. Надавить на его подружку. Встряхнуть всех барыг, у которых он мог бы раздобыть фальшивые документы. Машина моей империи работала на полных оборотах, перемалывая судьбы и жизни ради одной цели - найти и наказать.

Но сквозь этот гул деловой активности, сквозь цифры и факты, в моей голове постоянно всплывал другой образ. Девочка с кистью в руке и ненавистью в янтарных глазах.

Я сам не понял, зачем пошел к ней. Сказал себе, что нужно проверить, как действует мой план по "умиротворению". Убедиться, что она занята и не строит планов побега. Ложь. Чистейшая ложь самому себе. Мной двигало простое, почти животное любопытство.

Когда я вошел, она не услышала. Она вся была там, в своем мире из красок и образов. Я замер за ее спиной, глядя на холст. И на мгновение забыл, кто я и зачем здесь.

Картина была... сильной. В ней не было ученической робости. Была страсть, боль и ярость. Она нарисовала не просто пейзаж. Она нарисовала свою душу - прекрасную, рвущуюся на свободу, и мою клетку, которая эту душу сдерживала. Она бросила мне вызов. Не словами, которые я мог бы пресечь, а чем-то более глубоким. Искусством.

- Сосны, - сказал я, просто чтобы нарушить тишину, чтобы вернуть нас обоих в реальность.

Когда она обернулась и наши взгляды встретились, я увидел в ее глазах не только страх, но и гордость. Она не стыдилась своей работы. Она знала, что я все понял. И в этот момент я почувствовал укол чего-то, что давно считал атрофированным, - уважения.

Я ушел, потому что оставаться было опасно. Не для нее. Для меня. Рядом с ней моя привычная броня из цинизма и контроля давала трещины. Она была слишком настоящей для моего мира симулякров и предательства.

Вернувшись в кабинет, я снова открыл систему наблюдения. Она еще какое-то время стояла неподвижно, а потом снова взялась за кисть. С еще большим ожесточением.

Краски, которые я приказал купить, чтобы ее занять и успокоить, стали ее оружием. Ирония.

Вечером, когда на лес за окном опустились сумерки, зазвонил телефон. Звонил Серый. Я без колебаний ответил на звонок.

- Мы его нашли, - без предисловий сказал он. - Засел в мотеле на выезде из города. Готовится рвать когти.

- Один?

- С ним двое. Похоже, люди Шилова. Прикрывают его или ждут удобного момента, чтобы заткнуть, как и первого.

- Берите его, - приказал я. - Людей Шилова - в расход.

Хромого мне доставить теплым. В наш старый склад на реке. Я скоро буду.

- Будет сделано.

Я нажал на красную кнопку сброса. Адреналин ударил в кровь. Охота подходила к концу. Пора было выходить на сцену.

Я поднялся, надел пиджак, проверил пистолет в кобуре под мышкой. Все как всегда. Привычный ритуал перед грязной работой. Но, проходя по коридору мимо ее двери, я остановился. Из-за двери не доносилось ни звука. Я знал, что она там. Рисует, или спит, или просто смотрит в темноту. Живет в своем маленьком, искусственно созданном мире, не подозревая, что в нескольких километрах отсюда сейчас начнется перестрелка, прольется кровь. И все это из-за того, что она оказалась не в том месте не в то время.

Я защищал ее, держа взаперти. Но на самом деле я был эпицентром той бури, от которой ее прятал.

Я усмехнулся своим мыслям. Сентиментальность. Непозволительная роскошь.

Я спустился к выходу, где меня уже ждала машина. Пора

было напомнить этому городу, кто такой Константин Кровавый. Но почему-то, выезжая за ворота своего неприступного дома, я думал не о предстоящей расправе, а о том, какую картину моя Медовоглазка нарисует завтра.

Глава 8. Между страхом и жалостью. Анастасия

После его ухода я еще долго не могла прийти в себя. Я вернулась к холсту, но руки дрожали, а мысли путались. Его взгляд, изучающий, глубокий, лишенный привычной угрозы, преследовал меня. Он не сказал ничего плохого, не угрожал, но его молчаливый визит выбил меня из колеи сильнее, чем любая перепалка. Он вторгся в мое единственное убежище - мой мир красок - и оставил там свой след.

Весь остаток дня я рисовала. Это был единственный способ выплеснуть эмоции, которые разрывали меня изнутри. Я закончила картину с соснами и забором и тут же поставила новый холст. На нем я начала рисовать портрет. Не его. Себя. Такой, какой я себя видела в отражении зеркала - с огромными, испуганными глазами, в которых застыл немой вопрос.

Ночь опустилась на дом незаметно. Я не стала включать яркий свет, оставив лишь ночник у кровати. Его мягкий свет создавал в огромной комнате уютный полумрак, в котором было не так страшно. Я приняла душ, надела одну из шелковых пижам, которые казались мне формой для заключен-

ных, и легла в постель. Но сон не шел.

Каждый шорох за дверью заставлял меня вздрагивать. Я прислушивалась к тишине дома, пытаясь угадать, где он, что делает. Уехал ли он по своим кровавым делам или находится здесь, в этом же здании, за одной из стен?

Было далеко за полночь, когда я услышала звук подъезжающей машины, потом тихий хлопок двери. Шаги. Тяжелые, неровные. Они приближались по коридору к моей комнате. Я замерла, вцепившись в одеяло. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук слышен по всему дому.

Шаги замерли у моей двери. Я затаила дыхание. Последовал щелчок замка. Дверь медленно, со скрипом, открылась.

В проеме стоял он. Константин.

Он был не похож на себя. Пиджак расстегнут, волосы в беспорядке. Он тяжело опирался рукой о дверной косяк, и в тусклом свете ночника я увидела, что левый рукав его белоснежной рубашки пропитан чем-то темным. Кровью.

- Свет, - прохрипел он.

Я, оцепенев, смотрела на него, не в силах пошевелиться.

- Включи свет, Настя, - повторил он, и в его голосе прозвучали незнакомые нотки усталости и боли.

Как во сне, я протянула руку и щелкнула выключателем бра над кроватью. Комнату залил более яркий свет, и я ахнула. Его лицо было бледным, на скуле - свежая ссадина. Но самое страшное - это рукав. Кровь уже начала подсыхать, но в одном месте проступило свежее, алое пятно.

Он сделал шаг в комнату, потом еще один, и пошатнулся. Я инстинктивно вскочила с кровати и подбежала к нему, подхватив под здоровую руку. От него пахло порохом, ночным холодом и виски.

- Вы ранены, - прошептала я, сама не узнавая свой голос.

- Царапина, - отмахнулся он, но тут же поморщился от боли.

Он был тяжелым, и я с трудом довела его до кресла у окна. Он рухнул в него, откинув голову на спинку и прикрыв глаза. Дышал он тяжело, с присвистом.

- Вам нужен врач, - сказала я, стоя над ним. Страх смешался с чем-то другим. С непонятной, неуместной жалостью.

- Никаких врачей, - он открыл глаза. Взгляд был мутным от боли. - В ванной... аптечка. Принеси.

Я бросилась в ванную. На полке под зеркалом действительно стоял большой белый ящик. Я притащила его в комнату.

- Что делать? - спросила я, открывая крышку. Внутри было все: бинты, антисептики, обезболивающее.

- Рубашку помоги снять, - процедил он.

Мои пальцы дрожали, когда я расстегивала пуговицы на его рубашке. Ткань была дорогой, плотной, но сейчас она была испорчена. Я осторожно стянула рубашку с его плеч. Он тихо застонал, когда я коснулась раненой руки.

На предплечье, чуть ниже плеча, была рваная рана. Пуля, видимо, прошла по касательной, но крови было много. Зрелище было ужасным.

- Перекись... и бинт, - скомандовал он.

Я, стараясь не смотреть ему в глаза, смочила вату в кипящем растворе и осторожно приложила к ране. Он дернулся,

сжав зубы, но не издал ни звука. Я промыла рану, как могла, потом туго забинтовала, как учил папа, когда я в детстве разбивала коленки. Мои руки двигались сами по себе, пока разум отказывался понимать, что происходит. Я, Анастасия Янтарцева, заложница, обрабатываю рану своему похитителю, бандиту, человеку, которого должна ненавидеть.

Когда я закончила, он молчал, все так же откинувшись на спинку кресла.

- Спасибо, - произнес он хрипло, не открывая глаз. Это простое слово прозвучало как гром среди ясного неба. Оно было таким... человеческим.

Я молча собрала окровавленные ватки и остатки бинтов. Встала, чтобы унести аптечку, но он вдруг открыл глаза и поймал мою руку. Его ладонь была горячей.

- Не уходи, - попросил он. Так тихо, что я едва расслышала. - Побудь со мной.

И я осталась. Села на краешек кровати напротив него. Мы молчали. Тишина больше не была гнетущей. Она была наполнена запахом антисептика, его тяжелым дыханием и бешено стучащим звуком моего собственного сердца. Я смотрела на него - на шрам на брови, на жесткую линию подбор-

родка, на длинные ресницы, отбрасывающие тень на бледные щеки. В этот момент он не был всемогущим монстром Кровавым. Он был просто раненым, уставшим мужчиной.

И самое страшное было то, что я не чувствовала ненависти. Только смятение и странное, пугающее тепло в груди.

Глава 9. Прикосновение хищника. Константин

Боль в руке была отрезвляющей. Она вырвала меня из тумана усталости и адреналинового отходняка после ночной "операции". Витёк Хромой пел соловьем. Хватило десяти минут в компании меня и плоскогубцев, чтобы он выложил все: имена, схемы, суммы. Шилов не просто хотел украсть мой груз. Он планировал полномасштабную войну, и этот перехват был лишь первым выстрелом. Предатель рассказал все, и его жизнь на этом закончилась. Я не оставляю в живых тех, кто продал меня.

Возвращаясь домой, я вел машину сам. Рука ныла тупой, рвущей болью. Я мог бы поехать в клинику к своему врачу, который умеет держать язык за зубами. Но вместо этого колеса "Майбаха" сами повернули к дому. К ней.

Я до сих пор не мог дать себе рационального объяснения, зачем я пришел в ее комнату. Инстинкт. Так раненый зверь ищет самое безопасное и тихое место в своем логове. И этим местом почему-то оказалась ее комната. Ее клетка.

Когда она вскочила с кровати, чтобы помочь мне, я ожи-

дал увидеть ужас, отвращение. Но увидел лишь испуг и растерянную заботу. Она не отшатнулась от запаха пороха и крови. Ее тонкие, дрожащие пальцы расстегивали мою рубашку, обрабатывали рану. И ее прикосновения были пыткой и исцелением одновременно. Они обжигали кожу, но успокаивали боль, которая была глубже, чем рваная рана на предплечье.

Она осталась, когда я попросил. Сидела напротив, молчаливая, испуганная, но не убегающая. И в ее янтарных глазах я впервые не увидел ненависти. Только смятение и что-то еще, что я не смог, да и не захотел тогда расшифровывать. Я провалился в тяжелый сон прямо в кресле, и впервые за много лет мне не снились кошмары.

Проснулся я от первых лучей солнца. В комнате было тихо. На кровати ее не было. Я резко сел, но тут же поморщился от боли в руке. Повязка, которую она наложила, была аккуратной и тугой. Рядом с креслом, на полу, лежал плед, которым она, видимо, укрыла меня ночью. А сама она спала, свернувшись калачиком на мягком ковре у кровати. Не посмела лечь, пока я был в ее постели.

Эта картина - беззащитная девушка, спящая на полу, чтобы не тревожить своего раненого тюремщика, - ударила под дых сильнее любой пули. Что за чертовщина происходит?

Я тихо поднялся и подошел к ней. Наклонился. Ее волосы рассыпались по ковру, длинные ресницы подрагивали во сне. Она была до невозможности красивой и хрупкой. Я протянул руку, чтобы убрать прядь волос с ее щеки, но в последний момент отдернул. Нельзя. Нельзя сокращать дистанцию. Это опасно.

Я вышел из ее комнаты, стараясь не шуметь. В коридоре меня уже ждал Серый. Его взгляд скользнул по моей перевязанной руке, потом на дверь ее комнаты, из которой я только что вышел. Он ничего не сказал, но в его глазах я прочел все. Беспокойство. Неодобрение.

- Хромой мертв. Шилов готовит войну, - сказал я коротко, идя в свой кабинет. - Собирай всех. Сегодня будет совещание.

- Понял, - кивнул Серый. - Кость... твоя рука.

- Царапина. Заживет.

Но мы оба знали, что дело не в руке. Дело в том, что я только что провел ночь в комнате заложницы. Позволил ей увидеть меня слабым. Позволил ей прикоснуться ко мне. Я нарушил все свои же правила.

День прошел в тумане. Совещания, звонки, разработка плана ответного удара по Шилову. Я был холоден, расчетлив и безжалостен, как всегда. Мои люди получали приказы и расходились, готовые убивать по одному моему слову. Я был на своем месте, в своей стихии.

Но вечером, когда дом снова погрузился в тишину, я остался один в своем кабинете. Рука под повязкой болела. Но это была не та боль, что меня беспокоила. Я снова включил монитор видеонаблюдения.

Она не рисовала. Сидела в кресле у окна - том самом, в котором ночью сидел я - и смотрела на лес. Она словно чувствовала мой взгляд. Медленно повернула голову и посмотрела прямо в камеру. В ее глазах не было вчерашнего смятения. Была тихая, задумчивая грусть.

Нужно было идти дальше. Использовать ее по назначению.

Я набрал ее комнату по внутренней связи.

- Анастасия, - я впервые назвал ее полным именем. Оно прозвучало слишком официально, чуждо. - Через десять минут я зайду. Будь готова. Нам нужно кое-что сделать.

Я собирался показать ей фотографии. Фотографии тех, кого она видела на трассе. Тех, кто был с Хромым. И самого Хромого, вернее, то, что от него осталось. Пора было окунуть ее в реальность моего мира. Пора было вернуть все на свои места: я - властный и жестокий бандит, она - испуганная пленница.

Но, идя по коридору к ее двери, я поймал себя на мысли, что мне не хочется видеть страх в ее глазах. Мне хотелось снова увидеть ту растерянную заботу, то странное тепло, которое я ощутил ночью.

И это было моей самой большой проблемой.

Глава 10. Запретные мысли. Анастасия

Я проснулась на ковре. Тело затекло, но странное чувство покоя окутывало меня. Я вспомнила ночь: его рану, запах крови и антисептика, его хриплую просьбу остаться. Я вспомнила, как укрыла его пледом, а сама легла на пол, не решаясь занять кровать, в которой спал мой тюремщик.

В комнате его уже не было. Но воздух, казалось, все еще хранил его присутствие. Я поднялась и подошла к креслу. На нем остался едва заметный отпечаток его тела. Я провела рукой по подлокотнику, которого касалась его раненая рука. Что со мной происходит? Почему я думаю о нем не с ненавистью, а с каким-то странным, болезненным сочувствием? Он - преступник, бандит. Он похитил меня, угрожал моей матери. Я должна его презирать.

Но образ раненого, уязвимого мужчины, который позволил мне помочь ему, никак не выходил из головы. Эта ночь разрушила ту простую картину мира, где он был абсолютным злом, а я - невинной жертвой. Все стало сложнее.

Раздался резкий, неприятный звук. Я вздрогнула. На сте-

не рядом с дверью, где я раньше не замечала, мигнула лампочка на маленькой панели. Звонил внутренний телефон. Я подошла и нажала на кнопку ответа.

- Анастасия. Через десять минут я зайду. Будь готова. Нам нужно кое-что сделать.

Голос Константина был холодным и отстраненным. Ни намека на ночную слабость. Словно ничего и не было. Словно не он истекал кровью в моем кресле, а я не перевязывала его рану. Он снова надел свою броню. И от этого мне стало почему-то обидно.

Ровно через десять минут щелкнул замок. Он вошел. Свежая черная рубашка, идеально сидящие брюки. Только аккуратная повязка на предплечье, видневшаяся из-под закатанного рукава, напоминала о событиях прошлой ночи. В руках он держал тонкий ноутбук.

- Сядь, - приказал он, кивнув на кресло.

Я послушно села, чувствуя, как возвращается липкий страх. Он поставил ноутбук на столик передо мной и открыл его.

- Ты видела людей, которые напали на фуру. Я хочу, чтобы

ты посмотрела на несколько фотографий и сказала, узнаешь ли ты кого-нибудь.

Мое сердце ухнуло вниз. Вот оно. Вот зачем я ему на самом деле нужна. Не для картин, не для разговоров. Я - свидетель. Инструмент.

Он открыл папку с файлами. На экране появилось первое фото. Мужчина с неприятным, одутловатым лицом. Я его не знала.

- Нет.

Он щелкнул мышкой. Второе фото. Третье. На четвертом я замерла. Это лицо я видела. Он был без маски, отдавал какие-то приказы.

- Да, - прошептала я. - Он... он там был.

Константин кивнул, его лицо было непроницаемым.

- Еще.

Следующие несколько фотографий были пустыми. А потом на экране появилось новое лицо. И я узнала его тоже. Это был второй, тот, кто стоял рядом с первым.

- И он, - мой голос дрожал. - Они были вместе.

- Уверена? - его взгляд был острым, как лезвие.

- Да.

Он молча смотрел на меня несколько секунд, словно взвешивая мои слова. Потом его палец снова двинулся к мышке.

- И последнее.

На экране появилось фото. Не анфас, как предыдущие. Это был снимок, сделанный в каком-то темном, грязном помещении. На полу лежал человек. Тот самый, второй, которого я только что опознала. Его глаза были открыты и безжизненно смотрели в потолок, а на груди расплывалось огромное кровавое пятно. Он был мертв.

К горлу подкатила тошнота. Комната поплыла перед глазами. Запах краски в комнате смешался с воображаемым запахом крови. Это он. Константин. Это он сделал. Человек, которому я ночью обрабатывала рану, - убийца. И я только что помогла ему, подписав смертный приговор этому мужчине на фото.

- Это... это... - я не могла выговорить ни слова.

- Это мой мир, Настуся, - сказал он тихо, но его слова ударили меня как хлыстом. - И ты теперь его часть. Привыкай.

Он закрыл ноутбук. А я больше ничего не видела. Тьма навалилась на меня, и последним, что я почувствовала, были его сильные руки, подхватившие меня, не давая упасть на пол.

Глава 11. Нить

Ариадны. Константин

Ее тело в моих руках было почти невесомым. Когда она начала падать, я среагировал инстинктивно, подхватил, прижал к себе. На секунду ее голова легла мне на плечо, и я ощутил тонкий цветочный аромат ее волос. Она была теплой, живой, и ее обморок был оглушительной пощечиной моей жестокости.

Я переусердствовал. Я знал, что она хрупкая, но не ожидал, что правда о моем мире сломает ее так быстро и так буквально. Я смотрел на ее бледное, как полотно, лицо, на темные тени под закрытыми глазами, и впервые за долгое время почувствовал укол чего-то похожего на вину. Я сам привел ее в этот ад, а потом удивился, что она не выдержала запаха серы.

Аккуратно, стараясь не потревожить раненую руку, я поднял ее и отнес на кровать. Уложил на шелковые простыни, укрыл легким пледом. Она выглядела как спящая принцесса из сказки, вот только сказка была страшной, а вместо красного принца рядом был монстр.

Я постоял над ней несколько минут, наблюдая, как медленно вздымается ее грудь. Она дышала. Жива. Просто ее нежная психика не выдержала столкновения с реальностью. С моей реальностью.

Ее кивок, ее тихое "да" стали последним недостающим элементом. Теперь я был уверен на сто процентов. Я знал, кто предатель, кто его подельники. Я знал, кто мой враг. Она дала мне в руки нить. Нить Ариадны, которая выведет меня из лабиринта интриг и лжи прямо к глотке Минотавра - Шилова. И я эту глотку перегрызу.

Я вышел из ее комнаты, плотно прикрыв дверь. Достал телефон и набрал знакомый номер.

- Серый.

- Слушаю, Кость.

- У нас есть подтверждение. Полное. Запускай вторую фазу. Главный склад Шилова с фармацевтикой. Хочу, чтобы к утру он превратился в пепел. Действуйте жестко, но без жертв среди гражданских.

- Понял. Будет огненное шоу, - в голосе Серого послышалось удовлетворение.

- И еще, - добавил я, глядя на дверь ее комнаты. - Дай команду охране. Девушка с этого момента может передвигаться по первому и второму этажам дома. Кроме моего кабинета и оружейной. Выход на улицу запрещен. Но внутри дома - полная свобода.

В трубке на несколько секунд повисла тишина. Серый пытался понять логику моего приказа.

- Кость, ты уверен?

- Я уверен, что в четырех стенах она сойдет с ума. А она мне нужна в здравом уме. Пусть привыкает. И удвой посты по периметру. Шилов скоро поймет, откуда ветер дует, и может начать делать глупости. Она не должна стать его целью.

- Я понял тебя. Все будет сделано.

Я сбросил вызов. Мое решение было рискованным. Дать ей иллюзию свободы - значит дать ей возможность искать выход, изучать дом, строить планы. Но я ставил на другое. Я хотел, чтобы эта золотая клетка стала для нее домом. Чтобы она привыкла к роскоши, к тишине, к безопасности, которую я ей обеспечивал. Чтобы, когда придет время, она уже не захотела уходить.

Жестокая, самонадеянная мысль. Но я всегда получал то, что хотел.

А хотел я сейчас странного. Чтобы она была в безопасности. Чтобы она была рядом. Она была моей нитью Ариадны, моим ключом к победе в этой войне. И я буду беречь этот ключ, как свою собственную жизнь. Даже если для этого придется держать ее взаперти, подальше от мира, который ее непременно убьет. И подальше от меня самого.

Я вернулся в свой кабинет и налил себе виски. На мониторе видеонаблюдения я видел ее - она все так же неподвижно лежала на кровати. Моя бессознательная Медовоглазка, которая даже не подозревала, что ее тихий шепот зажег в этом городе войну. И пока она спала, я буду сражаться. За свою империю. И, как бы дико это ни звучало, за нее.

Глава 12. Иллюзия свободы. Анастасия

Я очнулась на кровати. В комнате было тихо, а за окном уже вечерело. Голова гудела, а во рту был неприятный привкус. Последнее, что я помнила, - мертвое лицо на экране ноутбука и сильные руки Константина, подхватившие меня. Он принес меня сюда. Уложил. Укрыл пледом.

Эта мысль вызвала во мне бурю противоречивых чувств. Он показал мне бездну своего мира, толкнул меня в нее, а потом... спас от падения. Жестокость и забота в одном флаконе. От этого можно было сойти с ума.

Я лежала, не двигаясь, еще очень долго. Мне было страшно. Страшно от того, что я видела. Страшно от того, что я стала соучастницей, пусть и поневоле. Страшно оттого, что человек, способный на такое, прошлой ночью казался мне почти... человеческим.

Когда голод стал невыносимым, я заставила себя встать. Дверь моей комнаты была приоткрыта. Не заперта. Я замерла, прислушиваясь. В доме было тихо. Неужели это ловушка? Проверка?

Осторожно, как мышка, я выглянула в коридор. Пусто. Мягкий свет от настенных бра освещал длинный проход. Я сделала шаг, потом другой. Ноги были ватными, но я шла. Я спустилась по винтовой лестнице в огромный холл. Тишина. Только тиканье высоких напольных часов нарушало ее.

Я не знала, куда идти, и просто двинулась наугад, в сторону приглушенного света. Я попала в огромную гостиную, совмещенную с кухней. Одна стена была полностью стеклянной, и за ней виднелся темный, подсвеченный фонарями сад. На кухне, у барной стойки, сидел он. Константин.

Он был один. Просто сидел, поставив локти на столешницу, и смотрел в темноту за окном. Рядом с ним стоял стакан с янтарной жидкостью. Его раненая рука лежала на стойке, и я видела аккуратную белую повязку. Он не заметил меня. Он казался погруженным в свои мысли, и на его лице застыло такое выражение усталости и одиночества, что у меня невольно сжалось сердце.

Я хотела развернуться и уйти, но в этот момент мой желудок предательски заурчал. Громко, в звенящей тишине.

Он медленно повернул голову. Его темные глаза нашли меня в полумраке. Я застыла, готовая к крику, к приказу, к

чему угодно.

Но он лишь молча смотрел на меня несколько секунд. Потом кивнул на высокий стул напротив себя.

- Садись. Ты, должно быть, голодна.

Его голос был спокойным, без капли угрозы. Я, все еще не веря своим ушам, подошла и несмело села на стул. Между нами была широкая гранитная столешница, но мне казалось, что дистанция сократилась до минимума.

- Что ты будешь? - спросил он.

- Воды, - прошептала я.

Он молча встал, достал из холодильника бутылку минеральной воды, налил в высокий стакан и подвинул его ко мне. Потом открыл один из шкафчиков, достал тарелку с сэндвичами, накрытую пленкой, и поставил передо мной.

- Ешь.

Я взяла сэндвич. Руки дрожали, но я заставила себя откусить. Еда была простой - сыр, ветчина, свежий хлеб - но сейчас она казалась мне самой вкусной на свете. Я ела, а он

молча наблюдал за мной, медленно попивая свой виски.

- Почему вы меня не заперли? - спросила я, набравшись смелости.

- Я решил, что моя клетка стала для тебя слишком тесной,
- ответил он, и в уголке его губ промелькнула тень усмешки.
- Можешь ходить по дому. Кроме моего кабинета. Не думаю, что тебе там понравится.

Иллюзия свободы. Я это понимала. Но даже эта иллюзия была лучше, чем сидеть в четырех стенах.

- Спасибо, - вырвалось у меня само собой.

Он удивленно вскинул бровь.

- За что ты меня благодаришь, Тася? За то, что расширил твою тюрьму на пару сотен квадратных метров?

Его цинизм ранил.

- Я... я не знаю, - пробормотала я, опустив глаза.

Мы снова замолчали. Я доела сэндвич и сделала глоток воды.

- Как ваша рука? - спросила я, сама не зная, зачем.

Он посмотрел на свою перевязанную руку, потом на меня. Его взгляд потеплел. Совсем немного, на долю секунды, но я это увидела.

- Благодаря тебе, заживет, - сказал он тихо.

Мои щеки вспыхнули. Он помнил. Он признавал, что я ему помогла.

Впервые за все это время мы сидели друг напротив друга и просто... говорили. Почти как нормальные люди. Не похититель и жертва, а просто мужчина и женщина. И эта мысль была самой пугающей. Я привыкала к нему. К его голосу, к его присутствию. Я начинала видеть за маской монстра проблески чего-то иного. И это иное пугало меня больше, чем его жестокость, потому что я не знала, как с этим бороться.

Он встал, взял мой пустой стакан и тарелку, ополоснул их и поставил в посудомоечную машину. Потом заварил в чайнике чай. В воздухе запахло жасмином. Он налил две чашки. Одну поставил передо мной.

- Пей. Это поможет уснуть.

Я взяла чашку. Ее тепло согревало озябшие пальцы. Я смотрела на него поверх пара, поднимающегося от чая, и понимала, что тону. Тону в этом странном, хрупком перемирии, в этой опасной иллюзии нормальности. И самое страшное - я не была уверена, что хочу, чтобы меня спасали.

Глава 13. Ночной разговор. Константин

Я наблюдал, как она пьет чай, который я для нее заварил. Держала чашку обеими руками, словно грея их, и смотрела на меня поверх края. В ее янтарных глазах плескалось столько всего: остатки страха, растерянность, зарождающееся любопытство и что-то еще, чего я не мог - или не хотел - понять. Ужас, который был ее доминантой в первые дни, отступил. На его место пришло настороженное принятие. Она начала адаптироваться.

Мой план работал. И это должно было приносить удовлетворение. Но вместо этого я чувствовал тревогу. Потому что адаптировалась не только она. Адаптировался и я.

Когда она ушла, сказав тихое «спокойной ночи», огромная кухня-гостиная снова стала пустой и холодной. Я понял, что все это время сидел, не отрываясь, смотрел на нее, впитывал каждое ее движение. Я не думал о Шилове, о горящем складе, об отчете Серого, который пришел мне в Telegram и который я даже не открыл. Я думал только о ней.

Я остался сидеть в тишине. Воздух все еще хранил тон-

кий аромат жасмина и едва уловимый цветочный запах, исходивший от ее волос. Я вспомнил, как держал ее на руках, когда она потеряла сознание. Вспомнил это ощущение хрупкости и тепла в моих руках. Чувство, абсолютно чуждое моему миру, где все измеряется в силе, деньгах и калибре.

Это было опасно. Она становилась не просто инструментом. Она становилась... человеком. Настоящим. Живым. В моем доме, который до этого был лишь крепостью, дорогим функциональным пространством. С ее появлением здесь появилась жизнь. И я, который всегда ценил порядок и стерильность, вдруг обнаружил, что мне это нравится.

Я поднялся и прошел по дому. Заглянул в библиотеку. Огромное помещение с полками от пола до потолка, забитыми книгами в кожаных переплетах. Я не заходил сюда годами. А она, я был уверен, оценила бы это место. Я представил ее здесь, свернувшуюся в кресле с книгой, и эта картина была до странного органичной.

Я вернулся в кабинет. На телефоне мигало уведомление от Серого: "Все чисто. Объект уничтожен. Жду дальнейших указаний". Я быстро напечатал ответ: "Отлично. Всем отдыхать. Завтра новый план".

Война шла своим чередом. Я наносил удары, Шилов огры-

зался. В городе становилось беспокойно. И на фоне всего этого моя тихая жизнь в загородном особняке с пленницей, которая рисует картины и пьет со мной чай, выглядела сюрреалистично.

Я включил монитор видеонаблюдения. Ее комната. Она не спала. Сидела за мольбертом, и даже в зернистом изображении ночной камеры я видел, как сосредоточенно она работает. Кисть в ее руке порхала над холстом. Она снова была в своем мире, в своем убежище.

И я понял, в чем ее сила. В моем мире, где все можно купить, продать или отнять, у нее было то, что отнять невозможно. Талант. Внутренний свет. Она могла быть заперта, напугана, сломлена, но она брала в руки кисть и создавала свой собственный мир, свою собственную свободу.

И я, властелин своей криминальной империи, человек, который мог щелчком пальцев стереть кого-то с лица земли, позавидовал этой двадцатилетней девчонке.

Я смотрел на ее фигурку на экране до тех пор, пока она, наконец, не отложила кисть и не легла в постель. Я выключил монитор, но ее образ остался стоять у меня перед глазами.

Я должен был ее ненавидеть. Она была брешью в моей

броню, аномалией, нарушившей мой выверенный порядок. Она была свидетелем, которого по всем законам моего мира следовало убрать.

Но вместо этого я давал ей свободу передвижения по дому, поил ее чаем и думал о том, как пахнут ее волосы.

Я пленил ее, чтобы использовать как нить Ариадны. Но, кажется, я сам запутался в этой нити, и она медленно, но верно тянула меня из моего темного лабиринта к чему-то новому. К чему-то опасному и неизведанному. К ней.

Глава 14. Разговор у розария. Анастасия

Следующее утро было другим. Я проснулась не от страха, а от чувства... ожидания. Я не знала, чего жду, но тишина в доме больше не казалась зловещей. Она была наполнена его незримым присутствием.

Я вышла из своей комнаты и, набравшись смелости, пошла исследовать дом. Он был огромным и почти пустым. Холодная, выверенная роскошь, в которой не было и намек на домашний уют. Мрамор, стекло, хром. Все это было красиво, но безжизненно.

А потом я нашла библиотеку.

Стоило мне толкнуть массивную дубовую дверь, как меня окутал волшебный запах старой бумаги, кожи и пыли. Это было настоящее святилище. Книги, книги повсюду. От пола до самого потолка. Я провела пальцами по корешкам старинных томов, прочитала названия - классика, философия, история искусств. Это было так... неожиданно. В моем представлении бандиты не читают Канта и не держат в доме альбомы с репродукциями прерафаэлитов.

Я взяла с полки томик стихов Бродского, села в глубокое кожаное кресло у окна и погрузилась в чтение. Впервые за много дней я почувствовала себя почти... нормально. Почти как дома.

- Я знал, что тебе здесь понравится.

Его голос заставил меня вздрогнуть. Я подняла голову. Константин стоял в дверях, прислонившись к косяку. На нем были простые спортивные брюки и серая футболка, которая не скрывала рельеф мышц. Повязка на руке была свежей. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли угрозы. Только спокойное наблюдение.

- Здесь... очень красиво, - пробормотала я, закрывая книгу.

- В детстве я проводил здесь все время, - сказал он, подходя ближе. - Прятался от отца.

Он сел в кресло напротив. Это было откровение. Маленький кусочек его прошлого, которым он поделился со мной. Я видела перед собой не всеильного Кровавого, а мальчика, который прятался среди книг.

- Хочешь прогуляться? - неожиданно предложил он. - В сад.

Мое сердце подпрыгнуло. Увидеть небо не через стекло окна. Почувствовать воздух.

- Да, - выдохнула я.

Мы вышли на террасу. Солнце было теплым, а воздух - чистым, пахнущим соснами и влажной землей. Сад был ухоженным, с аккуратными дорожками и целым розарием. Но по периметру, за деревьями, я видела все тот же высокий забор и снующих туда-сюда охранников. Иллюзия свободы была полной.

Мы шли молча по дорожке. Я старалась держаться на расстоянии, но меня неумолимо тянуло к нему.

- Почему вы это делаете? - спросила я, не выдержав. - Почему отпустили меня из комнаты? Почему разговариваете со мной?

Он остановился возле куста темно-красных роз и коснулся пальцами одного из бутонов.

- Потому что я устал видеть ужас в твоих глазах, Нася, -

ответил он тихо, не глядя на меня. - И потому что ты... не такая, как другие. Ты не сломалась. Ты взяла кисть и дала сдачи.

Он повернулся ко мне. Солнце светило ему в спину, и я не могла разглядеть выражение его лица, но его силуэт казался воплощением силы и какой-то мрачной грации.

- Я хочу, чтобы ты поняла. Я не монстр из сказки, который утащил принцессу просто так. У всего есть причина. И то, что ты здесь, - это единственное, что сейчас сохраняет тебе жизнь.

- Я вам не верю, - прошептала я, хотя какая-то часть меня отчаянно хотела поверить.

- Я знаю, - он сделал шаг ко мне. - Но, может быть, со временем согласишься.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Просто легкое, почти невесомое прикосновение кончиками пальцев. Но по моей коже словно пробежал электрический ток. Я замерла, боясь дышать. Его рука была теплой, чуть шершавой. Он смотрел мне прямо в глаза, и в их темной глубине я увидела такую тоску, что у меня перехватило дыхание.

- Твои глаза... они как янтарь на солнце, - прошептал он.

И в этот момент я поняла, что пропала. Ненависть, которая была моим щитом, испарилась, оставив после себя лишь звенящую пустоту, которая стремительно заполнялась новым, пугающим и всепоглощающим чувством. Я стояла в саду своей тюрьмы, в нескольких метрах от вооруженной охраны, и смотрела в глаза своему похитителю. И единственное, чего я хотела, - чтобы он не убирал свою руку.

Глава 15. Точка невозврата. Константин

Она не отдернула руку. Она замерла под моим прикосновением, как испуганная птица, но не отшатнулась. Я видел, как в ее янтарных глазах расширяются зрачки, как легкий румянец заливает щеки. Она боялась, но не меня. Она боялась этого нового, непонятного чувства, которое возникло между нами. И я боялся его не меньше.

Весь мой мир, построенный на холодном расчете и безжалостном контроле, рушился под ее взглядом. Эта хрупкая девочка с кистью в руках и душой воина обладала надо мной властью, которой не было ни у одного из моих врагов. Она ничего не просила, не требовала, но я был готов отдать ей все.

- Ужин сегодня в восемь, - сказал я, убирая руку, хотя все мое тело протестовало. - Я пришлю за тобой. Надень что-нибудь красивое.

Я развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Мне нужно было расстояние. Мне нужен был воздух. Потому что рядом с ней я забывал, как дышать.

Весь день я был как на иголках. Пытался работать, но ее лицо стояло у меня перед глазами. Я отдал приказ Серому доставить в дом несколько платьев из лучшего бутика в городе. Я хотел увидеть ее не в простой футболке или шелковой пижаме. Я хотел увидеть ее королевой. Моей королевой.

Ровно в восемь я стоял у подножия лестницы. Услышав ее шаги наверху, я поднял голову. И замер.

Она спускалась вниз. На ней было платье. Простое, но невероятно элегантное. Из тонкого, струящегося шелка цвета красного вина. Оно облегло ее хрупкую фигуру, оставляя открытыми тонкие руки и шею. Ее медовые волосы были собраны в свободный узел, несколько прядей выбились и обрамляли ее лицо. Она не накрасилась, и на фоне яркого платья ее кожа казалась почти прозрачной, а глаза горели, как два раскаленных янтаря. Она была воплощением невинности и греха одновременно. И она была моей.

Я подошел и протянул ей руку. Она без колебаний вложила свою ладонь в мою. Ее пальцы были холодными.

- Ты прекрасна, Асята, - прошептал я, и это была самая чистая правда, которую я говорил за последние лет двадцать.

Мы ужинали на террасе. Стол был накрыт на двоих. Свечи, тихое мерцание огня в камине, музыка, едва слышно льющаяся из динамиков. Я рассказывал ей о своих путешествиях, о книгах, которые читал, избегая тем, которые могли бы ее напугать. А она слушала, и в ее глазах медленно таял лед. Она улыбалась, и от ее улыбки у меня останавливалось сердце.

После ужина я включил музыку громче. Медленная, тягучая мелодия. Я встал и снова протянул ей руку.

- Потанцуй со мной.

Она поднялась, и я притянул ее к себе. Ее тело в моих руках было таким хрупким, податливым. Я положил руку ей на талию, а второй сжал ее пальцы. Она положила свою свободную руку мне на плечо. Мы двигались медленно, в такт музыке. Я чувствовал ее тепло, вдыхал аромат ее волос. Я опустил голову, коснулся губами ее виска. Она вздрогнула, но не отстранилась. Я прижался щекой к ее волосам, закрыв глаза. Мир сузился до этой террасы, до этой музыки, до этого хрупкого тела в моих руках. Вся моя война, вся кровь, вся грязь остались где-то там, за высоким забором. А здесь был только я. И она.

- Костя... - прошептала она мое имя, и оно прозвучало как

МОЛИТВА.

Я отстранился и посмотрел ей в глаза. В них плескалось желание. Такое же сильное, как и мое. Точка невозврата была пройдена. Я медленно наклонился и коснулся ее губ своими. Сначала осторожно, пробуя, потом более настойчиво, вкладывая в этот поцелуй всю свою накопившуюся нежность и голод. Она ответила. Неумело, робко, но ответила. Ее губы были мягкими, сладкими, как запретный плод.

Я подхватил ее на руки. Она обвила руками мою шею, не прерывая поцелуя. Я понес ее в дом, в свою спальню. В свое логово.

Я уложил ее на огромную кровать, покрытую темным шелком. В свете ночника шелк ее платья казался почти черным, а кожа - сияющей. Она смотрела на меня снизу вверх, и в ее глазах не было страха. Только доверие. И это доверие обезоруживало и пьянило сильнее любого виски.

- Ты уверена? - спросил я хрипло, давая ей последний шанс отступить. - После этого пути назад не будет. Ты будешь моей. Полностью.

- Я уже твоя, - прошептала она, и эти слова стали моей самой большой победой и моим окончательным поражением.

Я медленно стянул с нее платье. Оно соскользнуло с ее тела, как вторая кожа, оставив ее в одном кружевном белье. Она была совершенна. Хрупкая, невинная, как первый подснежник. И она принадлежала мне.

Я целовал ее - шею, плечи, ключицы. Мои руки исследовали ее тело, и она дрожала под моими прикосновениями. Я снял с нее остатки одежды, любуясь ее наготой. Потом избавился от своей. Она смотрела на мое тело, на шрамы, оставленные прошлым. Она провела кончиками пальцев по самому длинному шраму у меня на груди. В ее прикосновении не было брезгливости. Только нежность.

Когда я вошел в нее, она вскрикнула от короткой, резкой боли. Я замер, давая ей привыкнуть. Я видел слезы в ее глазах, но она лишь крепче обняла меня.

- Все хорошо, - прошептала она. - Не останавливайся.

И я двинулся снова. Осторожно, нежно, стараясь не причинить ей больше боли. И очень скоро боль ушла, сменившись чем-то другим. Я видел, как меняется выражение ее лица, как ее тело начинает отвечать моим движениям. Я вел ее за собой, открывая для нее мир страсти, а она, сама того не зная, вела меня к свету.

В эту ночь мы были не хищником и жертвой. Мы были просто мужчиной и женщиной. Двумя одинокими душами, которые нашли друг друга в самом сердце тьмы. И когда мы достигли пика, наши крики слились в один. Я рухнул на нее, обессиленный, и зарылся лицом в ее волосы. Я отдал ей свою нежность. А она подарила мне свою невинность. И этот обмен был честным. Впервые в моей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.